

УДК 81'374.5

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ ЛИТВЫ

Плыгавка Л. Л.

Південно-східна частина Литви внаслідок своїх полікультурних особливостей є унікальним об'єктом вивчення загальних закономірностей мовної інтерференції в умовах паралельного співіснування кількох мов. Мовна взаємодія спостерігається на всіх рівнях, проте найактивніше на лексичному.

У статті розглянуто окремі випадки інтерференції на фонетичному, лексичному й граматичному рівнях у регіональних мовах даного регіону. Об'єктом дослідження є номінативні одиниці або фрагменти усного мовлення різномовних інформантів, записані під час невимушеного спілкування, а також спостереження за мовленням росіян і поляків із метою виявлення їхніх білоруських особливостей.

Актуальність дослідження зумовлена актуалізацією питань взаємодії національних мов і культур у ситуації синхронної реалізації та вивчення прагматичних, національно-культурних, соціально зумовлених аспектів функціонування мовних одиниць у зв'язку з поглибленням еміграційних процесів.

Ключові слова: південно-східна територія Литви, полікультурний регіон, полілінгвізм, інтерференція, "проста мова", регіоналізми.

Юго-Восточная часть Литвы вследствие своих поликультурных особенностей является уникальным объектом изучения общих закономерностей языковой интерференции в условиях параллельного сосуществования нескольких языков. Языковое взаимодействие наблюдается на всех уровнях, но наиболее активно на лексическом.

В статье рассмотрены отдельные случаи интерференции на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях в региональных языках данного региона. Объектом исследования являются номинативные единицы или фрагменты устной речи разноязычных информантов, записанные во время непринуждённого общения, а также наблюдения над речью русских и поляков с целью выявления их белорусских особенностей.

Актуальность исследования обусловлена актуализацией вопросов взаимодействия национальных языков и культур в ситуации синхронной реализации и изучения прагматических, национально-культурных, социально обусловленных аспектов функционирования языковых единиц в связи с углублением эмиграционных процессов.

Ключевые слова: юго-восточная территория Литвы, поликультурный регион, полилингвизм, интерференция, "простая мова", регионализмы.

South-eastern region of Lithuania, because of its polycultural peculiarities, is unique from the point of view of studying common features of language interference, on terms of parallel coexistence of several languages. Language interaction is observed on all levels, but more actively on lexical one.

The spoken language, which is written down during natural communication, is being investigated and also, the spoken language of Russians and Poles is being observed as for to reveal their Belarusian peculiarities.

The actuality of this investigation is determined by actualization of the questions of interaction of national languages and cultures in the situation of synchronous realisation and studying of communicative, pragmatic, national – cultural, socially determined aspects of functioning of language units in connection with widening of world emigration processes.

Key words: south-eastern region of Lithuania, polycultural region, polylinguism, interference, Belarussian dialect, regionalisms.

Языковые контакты происходят благодаря постоянной коммуникации между разноязычными носителями, когда используются два языка параллельно или попеременно. Это приводит к возникновению интерференции, определение которой в научном дискурсе неоднозначно. Например, М. Михайлов считает, что "интерференция появляется в речи биглота (или полиглота) в результате перестройки моделей одного языка по образцу другого языка. Такая перестройка может происходить в одном или обоих направлениях, т. е. перестройке могут подлежать модели как родного, так и иностранного языка" [10, с. 61]. Л. Уман отмечает, что "интерференция – процесс объективный, возникающий при языковом контакте независимо от воли и желания коммуникантов" [16, с. 15]. У. Вайнрайх под интерференцией понимает перестройку моделей как результат вхождения иноязычных единиц в сферы языка, отличающиеся более высокой структурной организацией, и случаи отклонения от норм каждого из языков в речи билингва в результате языкового контакта [3, с. 22]. Аналогичное мнение высказывают и другие ученые [8, с. 104; 12, с. 4]. Э. Хауген утверждает, что "именно наложение двух систем в процессе речи и приводит к интерференции" [17, с. 62], однако "интерференция не должна всегда оставаться интерференцией, т. е. отклонением от нормы; при частом повторении она может стать нормой" [17, с. 69]. К. Закирьянов интерференцию считает "неотъемлемой составной частью процесса медленного, постепенного проникновения того или иного иноязычного элемента в систему языка" [6, с. 34]. По мнению С. В. Семчинского, интерференция – это "взаимодействие систем и элементов систем двух языков в результате языковых контактов" [15, с. 19]. Ю. Жлуктенко, как и Л. Баранникава [2, с. 88], к интерференции относит "все изменения в структуре языка, а также в значениях, свойствах и составе ее единиц", возникающих под влиянием языковых контактов [5, с. 61]. В своем исследовании мы придерживаемся данной позиции, когда под интерференцией понимается взаимодействие языков на разных уровнях при их контакте.

Так как интерференция вызвана не только лингвистическими, но и психологическими, физиологическими, социолингвистическими и др. факторами то при ее объяснении следует выходить за рамки только языковых процессов. Кроме того, следует учитывать такие субъективные факторы, как языковая компетенция личности, опыт изучения языков, общий образовательный уровень, который оказывает влияние на умение четко и грамотно передавать свою мысль. Из этого следуют различные речевые стратегии субъекта, особенно в ситуации межкультурных контактов. К экстралингвистическим факторам интерференции относятся социально-политическое и экономическое положение носителей языка по отношению к носителям других языков, наличие национальной, расовой и иной дискриминации, количественное соотношение, доминирование, степень территориальной концентрации, культурно-просветительская деятельность конкретной этнической группы на родном языке и т. д. [5, с. 75–79].

Целью нашей работы является характеристика отдельных случаев интерференции на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях в региональных языках юго-восточного региона Литовской Республики. Объектом исследования являются номинативные единицы или фрагменты устной речи разноязычных информантов, являющиеся иллюстрацией для реализации интерференционных позиций на исследуемой территории. В статье используются методы социолингвистических исследований, качественной характеристики конкретных языковых явлений с их описанием, обобщением и классификацией.

Юго-Восточная Литва характеризуется интенсивными и разнообразными межкультурными контактами, обусловленными историческим сосуществованием различных народов и их культур. Большинство жителей этого региона активно использует тот язык (либо диалект), который в условиях данного коллектива является общедоступным коммуникативным средством. Кроме того, могут использоваться два или несколько языков в зависимости от темы и состава участников разговора, а также собеседники могут переключаться с одного языка на другой или использовать в речи отдельные иноязычные фразы, предложения или лексемы, часто даже не замечая такой переход.

Языковое пространство занимают белорусский, русский, польский и литовский языки. В официальных ситуациях или с незнакомыми людьми употреб-

ляется литовский язык, в зависимости от языкового окружения и характера взаимоотношений – русский и польский языки, порой белорусский. Полилингвизм в межличностных контактах отмечают и респонденты: <... > *А па ўсякаму... // Як хіцш / можа па-польску / па-літэвску / ці па-руску // Вшытко разумею // <... > [СУ]; <... > Мы гаворым / па-простама / і па-беларускі / і па-рускі // <... > [МВ]; <... > С сынам на польскаму мове разгаварываем / с дочкамі абеймі / на рускаму / патаму шта ані рускіе школы скончылі // Ані в семьях сваіх разгаварываю на польскаму / літоўскаму / рускаму / на смешаным // [ЧС].*

Основным языком повседневности выступает так называемая "простая мова", "тутэйшая мова" – в зависимости от регионального варьирования польско-белорусская или белорусско-русская языковая смесь с иноязычными фрагментами, обладающая низким социальным статусом: *Ну / вот такая // Савсем прастая мова // што не расказана <... > [ЯБ].* Такие исследователи, как Н. Савич, В. Чекман, И. Ковальчук, утверждают, что речь носителей "простой мовы" по своим основным параметрам соответствует западно-белорусским диалектам [14, с. 31; 18, с. 20; 7, с. 58], изоглоссы диалектного деления которых частично заходят на пограничную территорию Литвы [4, с. 378]. Наше этнолингвистическое исследование речи разновозрастных ретрансляторов юго-восточной территории подтверждает данное утверждение. Практически повсеместно "простая мова" идентифицируется как разговорный белорусский язык, на что, очевидно, в современных условиях влияет юридический статус белорусского языка в Республике Беларусь и развитие экономических, политических, культурных и т. д. контактов между Литвой и Беларусью: *На якой мове гавораць? – Па-просту... // А на беларускую падобна? – Падобна // [ШТ]; На якую мову простая мова больш падобна? – На беларускую // <... > [ТТ].*

Причиной количественных и качественных речевых характеристик многоязычных жителей исследуемого ареала является лингвистическая ситуация в разные периоды их жизни. Информанты среднего возраста, получившие образование на русском языке, в разговоре часто переходят на "трасянку" – комплекс белорусско-русской речи с преобладанием белорусских или русских элементов. Данное явление широко распространено на территории современной Беларуси [9, с. 27–57]: <... > *бацька страіцелем быў, а потым у калгос вырнуўся // я вучыўся ў Вільнюсе / ва втарым вучылішчы / тамака страіцельнае вучылішча // <... > [СУ]; <... > Я люблю цілівізар глядзець // на стройке ў Вільні працаваў // слушайце / а еслі вам сказаць / я ў чэрвцу радзіўся / сорок дзевяты год быў // <... > [АГ].*

Если субъект получил образование на польском языке, то в его речи очевидно польское влияние: <... > *З дзецьмі / една цурка жыве в Неменчыне / то там па-польску / але дзеці да літэвскай клясы ходзяць / друга вышла замуж / в Рокішках мешка / там па-літэвску / ніг там ні па-польску / ні па-російску не розумяе / а тутэй як пападла // <... > [КЯ].*

Речь местных жителей старшего возраста, проживающих в сельской местности, отличается небольшим количеством интерференционных позиций при наличии белорусских диалектных черт: <... > *Прачнулася мама // у нас то дзяцей было шмат / шэсць // адна дачка была замуж пайшоўшы // мама кажа // ужо грабяць / бо свіння крычаць // а яны калолі пяць ці што / парсюкою закалолі // <... > [ТГ].* На речь носителей белорусского языка из провинции значительное влияние оказывает польский язык: *Ён быў і ест, тэж як бацькі гавораць, жыла добжэ, мама една была, ойцец змэр малады, на язык белорусов-горожан и носителей белорусского литературного языка – русский: была заведушчай клуба, матка мяне да пяцідзесяці дадзержа, пасля вайны калхос быў, на стройке ў Вільні, хадзіў міма, язык быў і польскі, і літоўскі, і рускі.*

В связи с расширением функций литовского языка в региональных русском, белорусском и польском языках стало возрастать количество литовских лексем-калек: *На якой гатве?* – лит. *gatvė* 'улица'; *усё гярэй* – лит. *gerai* 'хорошо'; *ікі* – лит. *iki* 'до свидания'; *лабас* – лит. *labas* 'привет'; *будет предас?* – лит. *priedas* 'дополнительная выплата'; *моя саскайта* – лит. *sąskaita* 'счет'. В речи молодежи находят реализацию англицизмы, например: *акей, акэй, ок* 'хорошо' – англ. *okey*; *бай* 'слово, используемое при прощании' – англ. *bye*; *энгліш* 'занятия по английскому языку' – англ. *English*, что свидетельствует о их интернациональном характере [1; 19].

Длительное соседство народов (белорусского, русского, польского), их общий или похожий образ жизни приводит к появлению похожих черт в национальном мышлении, что в итоге влияет и на увеличение количества общих лексических единиц, например: бел. *смачны крупнік згатавалі*, русск. *на обед крупник давали*, польск. *będzie **kрупnik** na obied*; бел. *звары мне клёцкі вечарам*, русск. *картофельные клёцки*, польск. *kłoska* [21, с. 222]; бел. *дранікі робім*; русск. *ели драники сегодня*, польск. *teraz **draniki** będę jem jesci*; бел. *хадзілі на вячоркі*, русск. *когда-то на вячорках все пели*, польск. *zberali się na **večorki*** [22, с. 30]; бел. *дажынкi святкавалі*, русск. *пойдём на дожунки*, польск. *to robio **dożynki*** [22, с. 101].

В белорусском и русском просторечии для обозначения аиста применяются две лексемы – *бусел* и *бацян (батын)* при более активном применении последней: бел. *бацян такі красiвы быў*, рус. *батяна видели уже*. Это можно объяснить тем, что в результате белорусского диалектного влияния респонденты считают именно лексему *бацян (батын)* более экспрессивной и эмоционально окрашенной. Кроме того, использование номинации в качестве языкового юмора придает дискурсу особую выразительность и образность: русск. *Птушка батын, подними свой кумпак* (для обозначения толстого человека); бел. *Ну і бацян жа ён* (для обозначения человека высокого роста).

Кроме лексико-семантической, в региональных польском и русском языках отметим также наличие фонетической и грамматической интерференции. К примеру, следующие номинации подверглись влиянию белорусской орфоэпии:

а) цеканье: русск. *мацумацика, информацика, успокойцесь, цеста, в гасциницу паехали, эци сабыция, не тарапицесья, падумайце*; польск. *kucia, kucja, kuc's'a, bracic, boswina*;

б) дзеканье: русск. *на недзельку, не стал выхадзиць,свадзьба цихо прошла, видзит свайго ворага, людзей*; польск. *jidzie do gumna, żyta **gdzie**, przyjedzi* [Rutkowska 1999, с. 98–99]; *że **beńdzie** wychodzić* [Rutkowska 1999, с. 103];

в) аканье (яканье): польск. *harbata* – польск. *herbata, **padálek*** – польск. *podólek, spadnica* – польск. *spodnica, kapaluś* – польск. *kapelusz*;

г) твердый [p] на месте мягкого [p']: русск. *прэстанавились, па дороге на Прыпяць, смотры, прыехаць на недзельку, церымонишься, что ты // цар; воспрынимают, бярэч, смотрым*.

Белорусскоязычные информанты, получившие образование в Беларуси на русском языке, в процессе коммуникации чередуют наиболее отличительные черты обоим языкам: нерегулярное смягчение белорусских затвердевших ч [ч], p [p'], шч [шч]: *токарь-ревальвершчiк, нічога не заканчiвала, разгаварiваем, учылiшце, как гаварiцца*; отсутствие фрикативного [z]: [z]аварыць, [z]осці; отсутствие ассимилятивной мягкости согласных и яканья: [сн]ег, вера[сн]я, пе[сн]я, пешком хадзілі, весна нравіцца ўсім; в русских заимствованиях цеканье и дзеканье: у другую дзярэўню, мы гардзімся, хацела пасматрэць на горад, пайшла работаць; переход в в ў после гласных: пяць шагоў і ў лесе, няправільна васпітываў; твердое произношение [p], [ч], [ж]: курсы парыкмахера, кузнечык, мая жызьнь, там ёсць чуць-чуць.

В речи информантов-горожан старшей возрастной группы, получивших образование в межвоенный период, фиксируется акцентологическое влияние польского языка, где обычно ударение падает на предпоследний слог: *але ў нашым тэатры* – бел. *alé*, польск. *ále*; *Вiленскага ўнiвэрсытэту* – бел. *Viленскi*, польск. *Wileński*; *або* – бел. *abó*, польск. *ábo*; *гэта абавяскава* – бел. *abaviazkóva*, польск. *obowiązkowy*. Акцентология русского языка проявляется спорадически с тенденцией увеличения в речи младшей группы респондентов: *некатарыя* – бел. *некатóры*, руск. *не́который*, мяне прынялі – бел. *прыняты*, руск. *принятый*; *выхадзіла газета* – бел. *выхóдзіць*, руск. *выходить*; *пайдзеш на работу* – бел. *пóйдзеш*, руск. *пойдешь*.

Для усиления экспрессии фрагментов чужой речи часто в белорусской речи сохраняется оригинальное произношение литовских номинаций, хотя происходит нарушение таких нормативных белорусских установок, как отсутствие цеканья и дзеканья: *kortelė, laba diena, dekuj*; мягкое произношение белорусских затвердевших [ж], [ш], [ч], [p], [ц]: *Lietuvos žinios [ž], šilkas [š], šiltas [š], ačiu [č], studijų skyrius [r], cirkus [c]*. Наблюдается также редукция отдельных звуков и звуковых сочетаний,

что приводит к деформации лексем. Одни и те же слова могут произноситься по-разному в зависимости от логического ударения, интонации, психологического состояния личности, что влияет на попеременную или параллельную реализацию одних и тех же фонем в различной маркировке: твердые и мягкие звуки [ч], [ш]: *чарка* – *чярка*, *шылас* – *шілас*, *ачу* – *ачю*, взрывное и фрикативное [з]: *горад*, *горла*, *галава*.

Установлено, что самой устойчивой к иноязычным влияниям и, соответственно, к проявлению интерференционных позиций является морфологическая структура. В русском и польском языке зафиксировано изменение рода и числа под влиянием белорусского языка: *Собака большой*, бел. *сабака* – м. р.; *гусь злая на меня кинулась*, бел. *гусь* – ж. р.; *пошли в малины* – руск. *пойти за малиной*, бел. *пайсці па (у) маліны*; *ячневые крупы купила*, бел. *крупы* – только мн. ч.; *brusznicy* 'ягоды' – польск. *brusznice* – только ед. ч., бел. *брусніцы* – мн. ч.

В региональном белорусском языке заимствованные лексемы подчиняются белорусским словообразовательным законам: *выпалняем гэтыя пажаданні* – бел. *выконваць*, русск. *исполнять*; *атрымаць жынутку* – лит. *žūnia* 'сообщение', *трэба папільдзіць саскайту* – лит. *rapildyti* 'пополнить', *sąskaita* 'счет', *ты спікаеш* 'разговаривать' – англ. *speak*. Деривационная модель с приставкой *за-* в русском региональном языке типа *замного*, *замало* – следствие аналогичных словообразовательных типов в белорусском, польском, литовском языках.

В белорусской просторечной сфере зафиксированы словосочетания, построенные по русской синтаксической схеме: *хадзілі за ягадамі, за грыбамі* – русск. *за ягодами, за грибами*, бел. *па ягады, па грыбы* або *ў ягады, у грыбы*; *прыйшлі к саседу* – русск. *пришли к соседу*, бел. *прыйшлі да суседа*. Такие факты свидетельствуют о совпадении процессов русского синтаксического влияния в белорусском языке основного и периферийного ареала распространения.

Синтаксические интерференционные позиции в исследуемом регионе обусловлены не только непосредственным языковым взаимодействием, но и параллельным применением синтаксических конструкций в контактируемых языках: бел. *ён мне руку разрэзаў*, польск. *ręka mnie boli*, лит. *man galva skauda*.

Среди данной группы интерференций следует выделить активное употребление деепричастий прошедшего времени в функции сказуемого: русск. *был бы замечивши всё равно*; *Вы в браке или муж умерши*; *уехавши были*; *ты прочитавши книгу?*; бел. *шляхту былі павывозіўшы, павысяляўшы былі ў нас, што гэта бабуля рабіўшы ў іх, хто якую ліпу пасадзіўшы*. Данная форма прошедшего времени архаическая для современного белорусского литературного языка, но активная для северо-западных белорусских говоров [11, с. 285]. Применение деепричастий в функции сказуемого характерно также для литовского языка [20, с. 29, 30–32], широко распространено в славянских говорах Литвы и Латвии [7, с. 60], а также в русском диалектном синтаксисе [13, с. 157].

Таким образом, языковые контакты в регионе Юго-Восточной Литвы являются следствием взаимоотношений различных этнических групп, отличаются сложностью и не всегда соответствуют регулярным и прогнозируемым тенденциям. Они отличаются функционированием языков и диалектов преимущественно в устной форме реализации и интенсивными интерференционными процессами. Свои языковые умения презентанты используют в устной и письменной форме в определенных жизненных ситуациях, что приводит к появлению заимствований, локализмов, семантических и структурных образований.

Явления интерференции в региональных языках юго-восточной Литвы неоднородные по функционированию, что влияет на речевую компетенцию субъекта и относится более к проблемам культуры речи, а не к ее структурно-смысловым аспектам. Такие языковые инновации в большинстве не являются элементами литературного языка, однако играют существенную роль в процессе создания системной картины лингвистических контактов региона и понимания их результатов.

Респонденты:

АГ – Адамович Геннадий, 1949 г. р., Акмяние

КЯ – Комяго Янина, 1947 г. р., Кракуны

МВ – Михалькевич Войтех, 1963 г. р., Чеконишки

СВ – Станкявичюс Владислав, 1953 г. р., Акмяніне
 ТГ – Тынкевич Гелена, 1924 г. р., Акмяніне
 ТТ – Тачицкая Тэрэса, 1941 г. р., Рудомино
 ЧС – Чеховичене Станислава, 1952 г. р., Бутримоны
 ШТ – Шилобрит Татьяна, 1976 г. р., Кракуны
 ЯБ – Якович Бронислава, 1937 г. р., Жижмы

Литература

1. Авина Н. Ю. Родной язык в иноязычном окружении : на материале рус. яз. в Литве / Н. Ю. Авина ; РАН, Ин-т рус. яз. – Вильнюс ; М. : Элпис, 2006. – 314 с.
2. Баранникова Л. И. Сущность интерференции и специфика её проявления / Л. И. Баранникова // Проблемы двуязычия и многоязычия : сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания ; редкол.: П. А. Азимов (отв. ред.) и др. – М., 1972. – С. 88–98.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх ; пер. с англ. яз. Ю. А. Жлуктенко. – Благовещенск : Благовещ. гуманитар. колледж, 2000. – 260 с.
4. Гринавецкене Е. Й. Некоторые явления контактирования литовских и славянских говоров (на материале языковых контактов в Юго-Восточной Литве) / Е. Й. Гринавецкене // Балто-славянский сборник / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. В. Н. Топоров. – М., 1972. – С. 394–408.
5. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю. А. Жлуктенко. – К. : Вища шк., 1974. – 176 с.
6. Закирьянов, К. З. Двуязычие и интерференция : учеб. пособ. / К. З. Закирьянов ; Башк. гос. ун-т. – Уфа : БГУ, 1984. – 81 с.
7. Кавальчук І. П. Да характарыстыкі гаворак беларуска-літоўскага моўнага пагранічча / І. П. Кавальчук // Лінгвістычныя даследаванні : зб. арт. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэдкал. : М. В. Бірыла, В. У. Мартынаў. – Мінск, 1968. – С. 56–63.
8. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
9. Мечковская Н. Б. Трасянка в континууме белорусско-русских идиолектов, кто и когда говорит на трасянке? / Н. Б. Мечковская // Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej / redakcja naukowa: Elżbieta Smułkowa i Anna Engelking. – Warszawa : DiG, 2007. – С. 27–57.
10. Михайлов М. М. Двуязычие: принципы и проблемы : из курса лекций по языкознанию / М. М. Михайлов ; Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары : б. и., 1969. – 136 с.
11. Нарысы па беларускай дыялекталогіі : вучэб. дапам. для філал. фак. ун-таў і пед. ін-таў / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. Р. І. Аванесава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1964. – 415 с.
12. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика / В. Ю. Розенцвейг. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – 80 с.
13. Русская диалектология : учеб. пособие для вузов / В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Л. В. Капорулина и др. – 2-е изд., стер. – М. : Высш. шк., 1998. – 207 с.
14. Савіч М. Утварэнне, межы распаўсюджання і асноўныя характарыстыкі беларускіх гаворак Літвы / М. Савіч // Вес. Міжнар. акад. вывучэння нац. меншасцей. – 1997. – № 2. – С. 28–31.
15. Семчинский, С. В. Семантическая интерференция языков : (на материале славяно-восточнороман. яз. контактов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 / Семчинский С. В. ; Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. – К., 1973. – 56 с.
16. Уман Л. М. Проблема грамматической интерференции на материале русского и французского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Уман Л. М. ; 1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1964. – 16 с.
17. Хауген Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике : сб. ст. / пер. с англ., фр., нем. и итал. – М., 1972. – Вып. 6 : Языковые контакты / сост., ред. вступ. ст. и коммент. В. Ю. Розенцвейга. – С. 61–80.
18. Чэжман В. Над этнічнай і моўнай мапай Паўднёва-Усходняй Літвы / В. Чэжман // Беларусы Балтыі : зборнік / рэд. суполка: С. Вітушка, А. Мінкін. – Вільня, 1998. – С. 17–24.
19. Dawlewicz M. Słownictwo socjolektu młodzieży polskiego pochodzenia w Wilnie (na podstawie badań ankietowych) / M. Dawlewicz ; Prac. Językoznawstwa Stosowanego Inst. Jęz. Pol. Uniw. Warszawskiego. – Kielce : Elipsa, 2000. – 156 s.

20. Labutis V. Lietuvių kalbos sintaksė : iš 2 d. / V. Labutis. – Vilnius : Vilniaus univ. I-
kla, 1994.

D. 2. – 1994. – 128 p.

21. Rieger J. Słownictwo polszczyzny gwarowej na Litwie / J. Rieger, I. Masojć,
K. Rutkowska. – Warszawa : Wydaw. DiG, 2006. – 456 s.

22. Rutkowska K. Teksty z Wileńszczyzny (zwyczaje, wierzenia, obrzędy) /
K. Rutkowska // Język polski dawnych Kresów Wschodnich : w 4 t. / pod red. J. Riegera. –
Warszawa, 1999.

T. 2 : Studia i materiały. 1994. – S. 96–104.